

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. С. ЛЕСКОВА

РАБОЧАЯ ЖИЗНЬ

В известной статье Горького о нашем земляке сказано, что дед Лескова был священник, бабушка — купчиха, отец — чиновник, мать — дворянка. Таким образом, этот «самобытнейший писатель русский» объединил в себе кровь четырех сословий. Но, развивал далее свою мысль великий пролетарский художник, очень вероятно, что наиболее глубокое влияние оказал на него человек пятого сословия — солдатка-нянька, крепостная, рассказы которой, как он сам говорил, были «то сладкой сытой кисловатому киселю жизни, то полезной горчицей жирному свинству ее».

Не случайно именно человек труда стал для будущего писателя с ранних лет и на всю жизнь остался главным критерием нравственности и красоты. «Ты, — внушал ему еще в младенчестве старый мельник Илья, — мужика всегда больше всех почитай и люби слушать». Уроки народной этики, полученные в родном орловском крае, не забывались Лесковым во всю его рабочую жизнь, как он сам определил незадолго до кончины свой трудовой писательский путь. «Мне наша детская дружба с нашими бывшими крепостными, — заявил от своего имени автор рассказа «Пугало» в 1885 году, — до сих пор составляет самое приятное и самое теплое воспоминание. Через них мы знали все нужды и все заботы бедной жизни их родных и друзей на деревне и учились жалеть народ».

Во время коммерческой службы, которая требовала от Лескова беспрестанных разъездов по России в самых разнообразных направлениях и нередко удерживала в очень глухих захолустьях, он еще более глубоко познал простонародную жизнь и с тех пор, по определению Горького, всегда прекрасно чувствовал то неуловимое, что называется «душою народа». Орел, Киев, Пенза, Одесса, Москва, Петер-

бург, другие города, с которыми связана большая или меньшая часть молодости Лескова, открыли ему глаза на бедствия ремесленного люда и натолкнули на мысль о том, что «зрелище нищеты, хотя и не возбуждающее приятных поэтических мечтаний, а напротив часто сжимающее сердце и наполняющее его немую грустью, имеет также свою полезную сторону. Оно знакомит нас с бытом наших меньших братьев, возбуждает к ним участие и дает возможность подать им руку помощи».

Эти слова взяты из ранней статьи Лескова с характерным названием «О рабочем классе». В ней он упрекнул всю предшествующую русскую литературу за то, что она была еще «чрезвычайно бедна наблюдениями этого рода», что среди писателей преобладают лица, принадлежавшие к так называемому образованному сословию, которые «считали несовместимым с своим достоинством высказывать близкое знакомство с тем», что мужицкий демократ Некрасов назовет позднее «зрелищем бедствий народных». Такие сторонники «чистого искусства» вызывали у Лескова раздражение и гнев.

Молодой публицист, развешивая эстетов, формулирует свое творческое кредо, которое находилось в самой непосредственной преемственной связи с реалистической русской литературой первой половины XIX столетия: «Пора нам отвыкнуть от мысли, что предметом литературы должно быть что-нибудь особенное, а не то, что всегда перед глазами и от чего мы все страдаем, прямо или косвенно. Сбросив вековой хлам предубеждений, мы ощутим себя близкими к жизни наших меньших братьев и сумеем помочь им вовремя и к стати, обнаруживая противящиеся гигиене стороны общественной жизни».

Эта исходно-демократическая основа всей литературной деятельности Лескова уберегла его художественный талант от оскудения в трудную для писателя пору изнуряюще-бесплодного противоборства с революционными силами России и временного сближения с «Русским вестником» Каткова. «Ошибки мои, — писал наш земляк библиографу своих сочинений П. В. Быкову 26 июня 1890 года, — все были искренние: мне никогда не было прельстива взять направление более выгодное, но я всегда принимал такое, которое было невыгодно мне. Это я делал не по упрямству, а так выходило: я, как русский раскольник, приставал не к той вере, которая мучает, а к той, которую мучают. Идеалы мои всегда были чисты, хотя может быть не совсем ясны — на меня имели влияние временные веяния. Это мне вина и порок; но это происходило не от корысти и расчетов, а от моей молодости, страстности, односторонности взгляда и узости понимания. Большая ошибка была в желании остановить бурный порыв, который теперь мне представляется естественным явлением — это было отдрагивание пружины, долго и сильно отдавленной в другую сторону. Я верно понял дурные страсти и намерения одних людей, но сильно обманулся в других. Критик, трактующий широко положение мое, оценит верность картин в «Некуда» и поставит автору на вид недорисовки некоторых планов... Но историк должен будет и осудить автора за то, что он как будто играл в руку с теми, чьи чувства и идеи не лучше чувств, одушевлявших нигилистов. Я сделал ошибку молодости, отказавшись писать такой роман в России, где действует цензура. Я мог бы писать такой беспристрастный роман, но не в своем отечестве. Будь я тогда опычнее, я бы это понял, а я был молод и не подозревал в «благородном

консерватизме» всей его подлости и себялюбия. В этом и есть моя ошибка: она сделана искренно, то есть без дурных побуждений; но я ее себе не прощаю и не хочу простить. Все напраслины, какие я пережил, как они ни пошлы и ни обидны, я принимаю с радостью, как возмездие, следовавшее мне за неосторожность и легкомыслие, благодаря которым труд мой мог быть трактован поддержкою обскурантизма и деспотизма, которые я всегда ненавидел и презирал всеми силами моего духа, любящего свободу ума и совести».

Это глубоко искреннее письмо, еще не опубликованное в его полном виде, показывает, что Лесков отдавал себе отчет в том, какой, говоря опять же его словами, тернистый путь проходил он по литературному полю. Ведь мучительные поиски истины, идеала были постоянно сопряжены для него еще с необходимостью заработать кусок хлеба, без чего он просто «умер бы с голоду со всем семейством». Вот почему он никогда не относил к своей непрерывной 35-летней писательской деятельности таких высоких слов, как «вдохновение», «творчество» и т. п.

Через всю его переписку проходит красной нитью идея неустанного труда как главного средства существования: «Я вышел на литературную работу» «ради сохранения меня от глады», ради приискания «занятий, питавших и дух мой и семью», что не так-то просто, «особенно на нашем черством и потом орошенном хлебе». «Мне, рабочему человеку» сподручно жить «хоть не на белом хлебе и даже не на ситном, а на решетном».

Эти великие слова: Работа, Труд — навсегда остались для Лескова синонимами таких понятий, как жизнь, творчество, счастье.

В. ГРОМОВ.